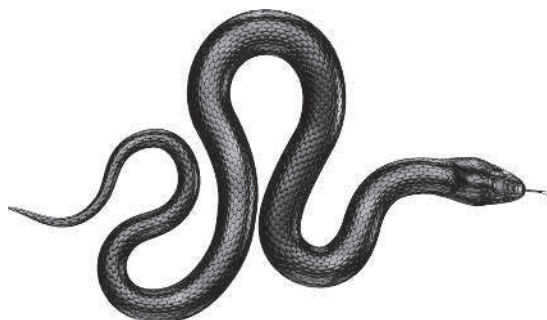

☞ ТРИЛЛЕР ☞

ЛИ БАРДУГО

ДЕВЯ
ТЫЙ
ДОМ

Издательство АСТ
Москва
2020

УДК 821.111-3 (73)
ББК 84(7Coe)-44
Б24

Leigh Bardugo
NINTH HOUSE

Печатается с разрешения литературных агентств
New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg.

Copyright © 2019 by Leigh Bardugo. All rights reserved.

Художественное оформление обложки
Александра Шпакова

Перевод с английского *Любови Карцивадзе*

Бардуго, Ли.

Б24 **Девятый Дом:** [роман] / Ли Бардуго; пер.
с англ. Л. Карцивадзе — Москва: Издательство
АСТ, 2020. — 544 с.

ISBN 978-5-17-121063-2

Алекс Стерн не похожа на других первокурсников Йельского университета. Она выросла на задворках Лос-Анджелеса, рано бросила школу, дружила с плохими парнями и перебивалась случайными заработками. В двадцать лет Алекс выжила в ужасной бойне – и благодаря этой трагедии загадочным образом получила шанс стать студенткой одного из самых престижных университетов мира. Почему она? И в чем тут подвох? В Нью-Хейвене к вопросам, которые терзают Алекс, прибавляются новые. Запрещенная магия, секретные общества, порочная элита Лиги плюща... Что за страшные тайны скрываются в древних, благопристойных стенах Йеля?

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121063-2

Map art copyright © 2019 by Leigh Bardugo
© Л. Карцивадзе, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Посвящается
Хедвигу, Ниме, Эму и Лесу,
которые столько раз меня спасали.*

Ay una moza y una moza que nonse espanta de la muerte
Porque tiene padre y madre y sus doge hermanos cazados.
Caza de tre tabacades y un cortijo enladriado.
En medio de aquel cortijo havia un mansanale
Que da mansanas de amores en vierno y en verano.
Adientro de aquel cortijo siete grutas hay fraguada.
En cada gruta y gruta ay echado cadenado....
El huerco que fue ligero se entro por el cadenado.

La Moza y El Huerco

Живет на свете девушка,
 девушка, которая не боится смерти,
Потому что у нее есть отец, и мать,
 и двенадцать братьев-охотников,
Трехэтажный дом и скотный двор,

А посреди фермы — яблоня,

приносящая любовные яблоки зимой и летом.

На ферме семь пещер,

Каждая из которых надежно защищена...

Смерть была легкой
 и проскользнула в замочную скважину.

*«Смерть и девушка»,
сефардская баллада*

Пролог

РАННЯЯ ВЕСНА

К тому времени, как Алекс удалось смыть со своего хорошего шерстяного пальто кровь, стало слишком тепло, чтобы его носить. Весна пришла скрепя сердце. Бледно-синие утра так и не стали солнечней; вместо этого они сменились сырыми, пасмурными днями, и дорогу высокими грязными меренгами окаймлял упрямый иней. Но примерно в середине марта снег на заплатках лужайки между каменными дорожками Старого кампуса начал таять, и под ним показалась влажная, черная, покрытая спутанной травой земля. Неожиданно для себя Алекс начала засиживаться на подоконниках тайных комнат на верхнем этаже дома 268 по Йорк-стрит и читать «Рекомендуемые требования к кандидатам в "Лету"».

Она слышала, как на каминной полке тикают часы, слышала, как звонит колокольчик, когда покупатели входят и выходят из расположенного внизу магазина одежды. Среди членов «Леты» тайные комнаты над магазином известны под ласковым прозвищем «Конура», а коммерческое помещение под ними в разное время успело побывать магазином обуви, офисом компании, продающей услуги в сфере активного туризма, и круглосуточным минимаркетом «Wawa» с собственной

стойкой «Тако Белл». Дневники Леты тех времен были переполнены жалобами на вонь пережаренной фасоли и лука, проникающую сквозь пол. Это продолжалось до 1995 года, пока кто-то не заколдовал «Конуру» и черную лестницу, выходящую в переулочек так, чтобы они всегда пахли кондиционером для белья и гвоздикой.

Алекс нашла брошюру с рекомендациями Дома Леты в какую-то из слившихся в ее памяти недель после инцидента в особняке на Оранж. С тех пор она только один раз проверила свою электронную почту со старого компьютера «Конуры», увидела длинную цепочку писем от декана Сэндоу и вышла из ящика. Она не заряжала свой севший мобильник, не ходила на пары, наблюдала, как ветви, будто примеряющие кольца женщины, пускают побеги. Она съела всю еду из кладовых и морозильника: сначала изысканные сыры и упаковки с копченым лососем, потом банки бобов и вымоченные в сиропе персики из коробок, помеченных надписью: «Неприкосновенные запасы». Когда они закончились, она начала беспардонно заказывать доставку еды, оплачивая ее с по-прежнему активного счета Дарлингтона. Спускаться и снова подниматься по лестнице было настолько утомительно, что ей приходилось отдыхать перед тем, как накинуться на обед или ужин, а иногда она вообще не удосуживалась поест и просто засыпала на подоконнике или на полу среди целлофановых пакетов и завернутых в фольгу контейнеров. Проведать ее никто не приходил. Никого не осталось.

На обложке изданной по дешевке, скрепленной скобами брошюры была напечатана черно-белая фотография башни Харкнесса. Под ней стояла надпись: «Мы пастыри». Алекс сомневалась, что, выбирая девиз, основатели Дома Леты хотели процитировать Джонни Кэша, но, видя эти слова, всякий раз вспоминала, как лежала на старом матрасе в норе Лена в Ван-Найс; как комната

вращалась, на полу рядом с ней стояла банка с недоеденным клюквенным соусом, а Джонни Кэш пел: «We are the shepherds, we walked 'cross the mountains. We left our flocks when the new star appeared»¹. Ей вспоминалось, как Лен повернулся к ней, сунул руку ей под рубашку и пробормотал ей на ухо: «Дерьмовые из них вышли пастыри».

Рекомендуемые требования к кандидатам в Дом Леты находились ближе к концу брошюры и в последний раз обновлялись в 1962 году.

- Высокие академические достижения, особенно в истории и химии.
- Способность к языкам и практическое владение латынью и греческим.
- Хорошая физическая форма и обладание навыками гигиены. Доказательства регулярных занятий физическими упражнениями приветствуются.
- Проявляет признаки уравновешенности и рассудительности.
- Интерес к мистике не одобряется, поскольку он часто свидетельствует об асоциальности.
- Не должен брезговать проявлениями телесности.

MORS VINCIT OMNIA.

Алекс, чье владение латынью было далеко не практическим, перевела фразу со словарем: «Смерть побеждает все». Но на полях кто-то, почти вымарав «vincit» синей шариковой ручкой, написал над глаголом «irrumat».

Приложение к рекомендациям «Леты» гласило: «Стандартные требования к кандидатам были смягчены в двух случаях с неоднозначными результатами:

¹ «Мы пастыри, мы прошли через горы. Мы оставили свои стада, когда появилась новая звезда» — цитата из песни Джонни Кэша «We are the Shepherds», пер. с англ. (*Здесь и далее прим. пер.*)

в случае Лоуэлла Скотта (бакалавр английского языка, 1909) и в случае Синклера Белла Брэвермана (степень не получил, 1950)».

Здесь на полях стояла еще одна пометка, явно сделанная неровным, похожим на кардиограмму почерком Дарлингтона: «Алекс Стерн». Ей вспомнилась кровь, дочерна пропитавшая ковер старого особняка Андерсонов. Ей вспомнился декан, поразительная белизна торчащей из его бедра кости, вонь диких псов.

Алекс отложила алюминиевый контейнер с холодным фалафелем от «Mamoun's» и вытерла руки о свои спортивные штаны Дома Леты. Прохромав в ванную, она открыла пузырек золпидема и сунула под язык таблетку. Она набрала в ладонь воды из-под крана, понаблюдала, как вода струится сквозь ее пальцы, послушала унылый сосущий звук из стокового отверстия. *Стандартные требования к кандидатам были смягчены в двух случаях.*

Впервые за несколько недель она посмотрела на девушку в забрызганном водой зеркале. Эта израненная девушка задрала майку: вату усеивали желтые гнойные пятна. Глубокая рана в боку Алекс покрылась черной коркой. От укуса осталась заметная дуга; она знала, что заживать она будет тяжело — если вообще заживет. Ее карту изменили. Ее береговую линию искромсали. *Mors irrumat omnia.* Смерть ебет нас всех.

Алекс осторожно прикоснулась к горячей красной коже, вокруг следов от зубов. Рана воспалялась. Она ощутила что-то похожее на тревогу. Разум призывал ее к самосохранению, но мысль о том, чтобы снять трубку и заказать такси до студенческого медцентра — каждое действие потребовало бы новое действие, — была слишком подавляющей, а теплая, тупая пульсация поджигающего себя тела стала почти приятной. Возможно, у нее начнутся лихорадка и галлюцинации.

Она осмотрела свои выступающие ребра, голубые вены, похожие на оборванные линии электропередач под бледнеющими синяками. Губы ее растрескались. Она вспомнила свое написанное на полях брошюры имя — третий случай.

— Результаты были, бесспорно, неоднозначными, — сказала она и испугалась хриплого дребезжания собственного голоса.

Она засмеялась, и слив, казалось, захихикал вместе с ней. Возможно, у нее уже поднялась температура.

Под яркими флюоресцентными светильниками в ванной она схватилась за края укуса в своем боку и погрузила в него пальцы, сжимая плоть вокруг швов, пока ее не накрыло мантией боли. Обморок приближался, как желанный наркотический приход.

Это было весной. Но неприятности начались ночью в разгар зимы, когда Тара Хатчинс умерла, а Алекс еще продолжала считать, что ей, возможно, все сойдет с рук.

«Череп и кости», первый из восьми Домов Покрова и старейшее из владеющих гробницами обществ, основано в 1832 году. Костлявые могут похвастать бóльшим количеством президентов, издателей, промышленных магнатов и членов правительства, чем любое другое общество (полный список их выпускников можно найти в «Приложении С»), и «похвастать» — пожалуй, самое подходящее слово. Костлявые имеют отчетливое представление о том, насколько влиятельны, и ожидают соответствующего почтения от кандидатов «Леты». Им не помешало бы помнить о собственном девизе: «Богач и бедняк после смерти едины». Ведите себя с осмотрительностью и тактом, обусловленными вашей должностью и связью с «Летой», но всегда помните, что наш долг — не потворствовать гордыне лучших и умнейших студентов Йеля, а стоять между живыми и мертвыми.

*Из «Жизни «Леты»:
процедуры и протоколы Девятого Дома»*

Костлявые воображают себя титанами среди ничтожеств, и это весьма неприятно. Но кто я такой, чтобы придирается, когда выпивка крепка, а девушки смазливый?

*Дневник Джорджа Петита времен «Леты»
(Колледж Сейбрук, выпуск 1956 года)*

ЗИМА

Алекс торопливо шла по широкой инопланетной Бейнеке-плазе, топя ботинками по чистым плоским бетонным квадратам. Огромный куб библиотеки редких книг словно парил над собственным нижним этажом. Днем его панели пылали янтарем, и этот блестящий золотой улей походил скорее на храм, чем на библиотеку. Ночью же он выглядел, как гробница. Эта часть кампуса не слишком сочеталась с остальным Йелем — ни серого камня, ни готических арок, ни бунтарских маленьких скоплений зданий из красного кирпича, которые, как говорил Дарлингтон, на самом деле не являлись колониальными, а только подражали этому стилю. Он объяснил, что Бейнеке была построена такой специально, чтобы зеркально отражать этот уголок архитектуры кампуса и вписываться в него, но Алекс все равно ощущала себя так, словно попала в научно-фантастический фильм из семидесятых: казалось, студенты должны носить гимнастические трико или слишком короткие туники, пить что-то под названием «Экстракт» и есть еду в пилюлях. Даже большая металлическая скульптура, которая, как она теперь знала, создана Александром Колдером, напоминала ей гигантскую лавовую лампу в негативе.